

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая педагогика, история педагогики и образования

УДК 37.01(091)

DOI 10.37386/2413-4481-2026-3-5-10

Александр Владимирович Ворохобов

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, г. Нижний Новгород, Россия, vorokhobov@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА АРХИЕПИСКОПА ФЕОФАНА (ПРОКОПОВИЧА) В КОНТЕКСТЕ ПЕТРОВСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ

Аннотация. В статье анализируется педагогическое наследие архиепископа Феофана (Прокоповича). Цель — реконструировать его педагогическую систему на теоретико-методологическом, институциональном и методическом уровнях. Материалы: труды исследуемого автора. Методология основана на принципах историко-педагогической реконструкции. Выявлено, что теоретическое обоснование роли образования реализовалось в создании специальной школы и разработке учебных пособий. Новизна — в целостной реконструкции его педагогической системы как единства теории, институциональной практики и методики.

Ключевые слова: Феофан Прокопович; история педагогики; петровская эпоха; образовательные реформы; «Духовный регламент»; «Первое учение отроком»; школа на Карповке; духовное образование; мотивация учения; школьный театр.

Aleksandr V. Vorokhobov

Volga Region branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Nizhny Novgorod, Russia, vorokhobov@yandex.ru

THE PEDAGOGICAL SYSTEM OF ARCHBISHOP THEOPHAN (PROKOPOVICH) IN THE CONTEXT OF PETER THE GREAT'S EDUCATIONAL REFORMS

Abstract. The article examines the pedagogical legacy of Archbishop Theophan (Prokopovich). It aims to reconstruct his pedagogical system at the levels of theory and methodology, institutional organization, and teaching practice. The source material comprises Prokopovich's works, while the methodological framework is based on the principles of historical-pedagogical reconstruction. The analysis demonstrates that his theoretical understanding of the role of education found practical expression in the establishment of a dedicated school and the development of teaching materials. The study's contribution lies in its holistic reconstruction of Prokopovich's pedagogical system as an integrated combination of theory, institutional practice, and teaching methodology.

Keywords: Theophan Prokopovich; history of education; Petrine era; educational reforms; "Spiritual Regulation"; "The First Instruction for Youth"; Karpovka School; theological education; motivation for learning; school theater.

Имя архиепископа Феофана (Прокоповича) обычно связывают с церковной историей, политической мыслью и литературой первой трети XVIII века. При этом его роль в развитии отечественного образования, хотя и является существенной, не часто становится предметом специального историко-педагогического анализа. В существующих исследованиях внимание уделяется либо общим вопросам духовного образования того периода, либо факту создания «Первого учения отроком» [1]. Вместе с тем педагогическая деятельность архиепископа Феофана отличалась внутренней целостностью и была тесно связана с его концепцией «регулярного государства». Петровские образовательные реформы создали государственный заказ на новый тип школы: светской по содержанию, утилитарной по целям, централизованной по управлению. Именно в русле этого заказа формировалась педагогическая

система архиепископа Феофана, который не просто разделял идеи Петра I, но и переводил их на язык педагогической теории, институциональной практики и методики. Это позволяет рассматривать его наследие как сложившуюся педагогическую систему эпохи преобразований.

Актуальность данной работы связана с необходимостью преодолеть фрагментарный взгляд на педагогические воззрения мыслителя и представить их как единство трех уровней: теоретико-методологического (обоснование роли образования в государственном строительстве), институционального (проекты духовных училищ и школа на Карповке) и методического (учебные пособия, способы мотивации, организация досуга). Научная новизна заключается в целостной реконструкции этой системы с опорой на классические труды (И. А. Чистович) и современные исследования (М. А. Корзо, А. А. Рогожин,

Т. О. Скрябина, Я. А. Набойщиков, Т. М. Балыхина, Н. М. Румянцева, Д. А. Щербаков, К. К. Сурин, Д. В. Иванов), а также в доказательстве того, что данная система формировалась как прямой ответ на государственный заказ петровской эпохи, а не существовала изолированно.

В историографии вопроса можно выделить несколько направлений. Классическая работа И. А. Чистовича «Феофан Прокопович и его время» [2] остается основным источником сведений о школе на Карповке. Среди современных авторов следует отметить М. А. Корзо, исследующую катехетические сочинения мыслителя в контексте западноевропейских влияний [3; 4]. А. А. Рогожин анализирует патриархальную модель власти, отраженную в «Первом учении отроком» и проповедях [5]. В последние годы появились работы Т. О. Скрябиной и Я. А. Набойщикова, обобщающие педагогические идеи архиепископа Феофана [6], Т. М. Балыхиной и Н. М. Румянцевой о просветительской педагогике XVIII века [7], а также исследования Д. А. Щербакова [8; 9] и К. К. Сурина [10], посвященные его вкладу в духовное образование. Д. В. Иванов рассматривает проблему способностей в трудах мыслителя [11]. Особо следует отметить монографию А. В. Иванова, в которой личность и деятельность архиепископа Феофана (Прокоповича) анализируются в широком контексте европейского Просвещения и петровских реформ, что позволяет увидеть его педагогическую систему как часть общеевропейского движения за обновление образования [12]. Из зарубежных источников также важна энциклопедическая статья Р. Н. Бейна, где дана общая характеристика государственной и церковной деятельности архиепископа Феофана [13].

Методология исследования опирается на принципы историко-педагогической реконструкции и системного анализа, позволяющие представить деятельность архиепископа Феофана как целостное явление. Применяется также сравнительный метод для сопоставления теоретических положений «Духовного регламента» с практикой школы на Карповке, а также для сравнения последней с другими учебными заведениями петровского времени.

Формирование педагогических взглядов архиепископа Феофана (Прокоповича) неразрывно связано с его жизненным путем. Родившись в 1681 году в Киеве, он получил образование в Киево-Могилянской академии, продолжил обучение в Польше и Италии, посещал другие страны

Западной Европы [1]. Этот опыт во многом определил его подходы к образованию. С 1705 года он начал преподавательскую деятельность, а в 1711 году стал ректором Киево-Могилянской академии, где создал курсы поэтики, риторики, философии и математики [14].

В 1716 году по приглашению Петра I мыслитель переехал в Санкт-Петербург, став одним из ближайших сподвижников императора и войдя в круг «ученой дружины» (А. Д. Кантемир, В. Н. Татищев и др.) [1]. Именно в этот период его педагогические идеи начинают непосредственно оформляться как ответ на конкретные государственные задачи. К моменту приезда архиепископа Феофана в столицу Петр I уже развернул масштабную образовательную реформу. Указ 1714 года предписывал открыть цифирные школы для детей всех сословий (кроме крестьян) и запрещал жениться дворянам, не окончившим обучение. В 1715 году была учреждена Академия морской гвардии – первое светское военно-учебное заведение. С 1721 года начали создаваться гарнизонные школы для солдатских детей. В том же году вышел указ, запрещавший производить в офицеры без соответствующего обучения. Церковная реформа, завершившаяся учреждением Святейшего Синода вместо патриаршества, требовала новых кадров духовенства – образованных, лояльных государству, способных вести просветительскую работу среди народа. Однако все эти начинания сталкивались с одними и теми же трудностями: не хватало учителей, не было учебников на понятном языке, ученики и их родители не понимали целей обучения, а консервативные круги в церкви сопротивлялись новшествам.

Архиепископ Феофан (Прокопович) предложил системное решение, охватывавшее все три уровня: теоретическое обоснование, институциональную модель и методическое обеспечение. Просвещение он рассматривал как важнейшее условие государственного процветания, отводя ключевую роль в его распространении государственной власти. Он высказывался за расширение грамотности среди всех сословий, включая крестьян, и за доступ женщин к образованию [1]. Тем самым его педагогическая система формировалась не в отрыве от реформ, а как их неотъемлемая часть – инструмент подготовки «регулярного» подданного и образованного священника.

Теоретическим фундаментом педагогической системы архиепископа Феофана стал «Духовный регламент» 1721 года. Этот документ, составленный при решающем участии мыслителя, пред-

ставлял собой не просто церковный устав, но государственный акт, утвержденный Петром I как закон. В нем впервые в России законодательно закреплялась обязательность школ при архиерейских домах, определялась программа, предписывалось обучение не только детей духовенства, но и «сирот всякого чина». Архиепископ Феофан включил в текст Регламента прямые отсылки к петровским указам о цифирных школах и о необходимости латинского языка для государственной службы. Тем самым его педагогическая теория становилась не частным мнением, а частью государственной образовательной политики.

В «Духовном регламенте» была предложена трехступенчатая система духовного образования: академии, семинарии и архиерейские школы [1]. В разделе об училищах архиепископ Феофан изложил программу школьного устройства, подчеркивая: «Когда нет света учения, нельзя быть доброму Церкви поведения, и нельзя не быть нестроению, и многим смеха достойным суевериям» [15, л. 12]. Важно подчеркнуть, что Регламент задавал не только институциональные рамки, но и методологию: образование должно было быть не схоластическим, а практически ориентированным, направленным на пользу государству. Это прямо перекликалось с петровской логикой утилитарности: учиться не ради отвлеченного знания, а для службы.

Образцом для архиепископа Феофана служила Киевская академия. Он предлагал создать на севере аналогичное учебное заведение с общеобразовательным курсом и завершающими классами философии и богословия. При академии предполагалось устроить семинарию-общежитие наподобие монастыря, вдали от городской суеты, чтобы оградить учащихся от внешних влияний. Сам он замечал: «Таковое молодых человек житие кажется быти стужительное... но кто обвыкнет так жити, хотя чрез един год, тому весма сладко будет» [15, л. 15]. Однако в отличие от киевской модели, где школа существовала автономно, петровская реформа требовала встроить духовные училища в общегосударственную систему, подчинив их не местным иерархам, а государству в лице Синода. Архиепископ Феофан последовательно проводил эту линию как в тексте Регламента, так и в своей практической деятельности.

Особого внимания заслуживают созданные архиепископом Феофаном учебные пособия, которые непосредственно отвечали на запросы петровской реформы. В 1720 году он подготовил

«Букварь, или Первое учение отроком с Катехизисом», подчеркнув в предисловии важность раннего воспитания [1]. Это был первый в России учебник Закона Божия, включавший азбуку, молитвы и катехизис [16, л. 5].

«Первое учение отроком» было составлено по указу Петра I. Император требовал: учебник должен быть написан на понятном языке («просторечием»), доступен для всех сословий, содержать не только молитвы, но и основы нравственности, быть пригодным для одновременного обучения грамоте и вероучению. Архиепископ Феофан выполнил этот государственный заказ в точности. Как показывает М. А. Корзо, долгое время первое издание от 23 июня 1720 года было известно лишь по библиографическим описаниям, пока А. А. Гусева не обнаружила его экземпляр в Фонде Франке в Галле [3, с. 265]. Имя автора на титульном листе отсутствовало, однако в письме Якову Марковичу от 10 мая 1720 года сам архиепископ Феофан прямо называет себя составителем: «Написал я также краткое изложение десяти заповедей, с толкованием Никейского символа и молитвы Господней» [цит. по: 3, с. 265].

Катехизис построен в вопросно-ответной форме. М. А. Корзо отмечает, что все толкования даны в полемическом ключе, что было характерно для европейских полемических катехизисов XVI–XVII веков. Это позволяло не только излагать вероучение, но и опровергать взгляды оппонентов, увлеченных, по мнению архиепископа Феофана, католической схоластикой [3, с. 265–266]. Введение полемического элемента отвечало еще одной петровской установке – борьбе со «старинной» и «суевериями», которую государство вело как в церковной, так и в образовательной сфере.

Новшеством издания стало изложение материала «просторечием» – более доступным языком, а также замена текстов псалмов и молитв их толкованиями. В 1720–1724 годах вышло двенадцать изданий букваря, он использовался в церковных и светских школах и переиздавался до середины XIX века [1, с. 503; 14, с. 416]. Книга получила распространение и в других славянских странах, например в Сербии [17].

«Первое учение» вызвало критику со стороны некоторых современников. В 1727 году архимандрит Маркелл (Родышевский) в донесении Петру II обвинял автора в пропаганде чуждых православия идей: «Обретаются у нас в России книги новоизданные... Буквари с толкованием десяти заповедей Ветхого Завета... преисполнено стран-

ных учений, паче-же самых прямых кальвинских и лютерских» [цит. по: 3, с. 266]. Детальный разбор содержащихся в букваре «заблуждений» содержится в сочинении «Места премрачные в катихисисе...», автором которого был князь Д. К. Кантемир [3, с. 266]. Кантемир возражал против сведения «закона Божия» исключительно к Декалогу и игнорирования новозаветных заповедей, указывал на неверное, с его точки зрения, истолкование иконопочитания [3, с. 266]. Эта полемика обнажает различие в подходах: для архиепископа Феофана закон остается преимущественно ветхозаветным запретом, тогда как оппоненты отстаивали новозаветное понимание благодати. Показательно, что учебник воспринимался современниками именно как политический, а не только церковный документ – критика исходила от консервативных кругов, видевших в петровских реформах угрозу традиционному благочестию.

Важное место в дидактике архиепископа Феофана занимал принцип мотивации учения. Он указывал на необходимость разъяснять ученикам результаты изучения дисциплин, чтобы они «видели берег, к которому плывут» [1]. Этот принцип «видимого берега» стал существенным вкладом в педагогическую теорию и одновременно откликался на практическую проблему, с которой столкнулись все петровские школы: дети и родители не понимали, зачем нужно учиться, особенно если обучение было принудительным. Д. В. Иванов подчеркивает, что в трудах архиепископа Феофана прослеживается системный подход к проблеме способностей [11].

Воспитательный компонент педагогической системы архиепископа Феофана был столь же продуман, как и дидактический. Ключевым элементом стала школа, открытая в 1721 году в собственном доме на Карповке. И. А. Чистович подробно описывает это учебное заведение: архиепископ Феофан принимал сирот и бедных детей, и это была лучшая школа того времени по внутреннему устройству и качеству образования [2, с. 1 (XXXIV)].

Школа на Карповке создавалась как опытный образец петровской образовательной реформы. Архиепископ Феофан сознательно реализовал в ней все требования «Духовного регламента»: общежитие вдали от города, полный цикл предметов (от Закона Божия до геометрии), взаимобучение, контроль дисциплины через письменную инструкцию. Место для школы выбиралось в соответствии с предписанием Регламента –

в стороне от городского шума. Карповка вполне отвечала этим требованиям [2, с. 1 (XXXIV)]. Учебная программа отличалась широтой: Закон Божий, славянское чтение, русский, латинский и греческий языки, грамматика, риторика, логика, римские древности, арифметика, геометрия, география, история и рисование [1, с. 503; 2, с. 1 (XXXIV)]. Это свидетельствует о стремлении дать учащимся как богословское, так и основательное светское образование – именно такое сочетание требовалось государству для подготовки кадров, способных служить и в церковной, и в светской сферах. Преподавателями были приглашенные иностранцы [2, с. 1-2 (XXXIV)]. Практиковалось взаимообучение: старшие воспитанники обучали младших и получали за это небольшое жалованье [2, с. 2 (XXXIV)]. Этот метод позволял экономить средства и одновременно приучал старших к ответственности – еще один отклик на утилитарный подход Петра.

Для школы была составлена инструкция, которая зачитывалась вслух первого числа каждого месяца [2, с. 2 (XXXIV)]. Хотя текст не сохранился, сам факт ее существования говорит о продуманной системе воспитания, основанной на регулярности и единообразии – ключевых принципах «регулярного государства».

В организации досуга архиепископ Феофан проявил себя новатором. Он ввел в школе вокальную и инструментальную музыку: желающие обучались у мастера, затем сами учили младших [2, с. 2 (XXXIV)]. Это вызывало критику ригористов. Маркелл (Родышевский) писал: «Хорошо ли – не противно ли церкви святой... дабы в праздные дни была при столе их музыка?» [цит. по: 2, с. 2 (XXXIV)].

Другим нововведением стали сценические представления. Биограф архиепископа Феофана свидетельствует, что он сам организовал в школе театральные постановки [2, с. 2 (XXXIV)]. Это продолжало киевскую традицию: еще в 1705 году он написал пьесу «Владимир», положившую начало «просветительной» трагедии в России [1]. Школьный театр рассматривался им как важное воспитательное средство, формирующее не только нравственность, но и навыки публичной речи, образного мышления. В контексте петровских реформ театр имел и дополнительное значение: он служил инструментом просвещения, борьбы со «старинной» и приобщения к европейской культуре.

А. А. Рогожин акцентирует внимание на «патриархальной модели воспитания», транс-

лируемой в «Первом учении отроком»: от подданных требовались почтение и подчинение правителю как «отцу», тогда как правитель отвечал «отеческим попечением» [5, с. 5–7]. Эта модель проецировалась и на отношения в школе, где сам архиепископ Феофан выступал как «отец-попечитель» для сирот. Такая модель идеально соответствовала петровской идеологии «регулярного государства», где все подданные – дети монарха, обязанные к службе и послушанию.

Школа на Карповке не существовала изолированно. В контексте петровских образовательных реформ она была одним из многих новых учебных заведений, но занимала среди них особое место. Цифирные школы (с 1714 года) давали начальное образование – чтение, письмо, арифметику. Гарнизонные школы (с 1721 года) готовили грамотных солдат и унтер-офицеров. При Александро-Невском монастыре сам архиепископ Феофан учредил «словенскую» школу для начального обучения [1; 14]. Однако школа на Карповке была единственной, где давался полный курс, включавший риторику, логику, римские древности, геометрию и историю. Она готовила не просто грамотных людей, а образованную элиту – будущих академиков, переводчиков, высших чиновников и священников. В отличие от цифирных школ, которые часто закрывались из-за нехватки средств и нежелания учиться, школа на Карповке содержалась за личный счет архиепископа Феофана и потому могла позволить себе более высокий уровень. Однако по своему духу, программе и воспитательным принципам она была прямым порождением петровской реформы – образцом того, какой должна быть новая русская школа.

Из переписки известно, что архиепископ Феофан направлял своих учеников для совершенствования в гимназию при Академии наук. В 1730 году к профессору Гроссу были посланы десять человек, включая Григория Теплова [2, с. 2–3 (XXXIV)]. За пятнадцать лет существования школы (1721–1736) в ней обучалось около 160 юношей [1, с. 503; 2, с. 3 (XXXIV)]. Среди выпускников – будущие академики С. К. Котельников, А. П. Протасов, Г. Н. Теплов [1].

После смерти архиепископа Феофана в 1736 году школа прекратила существование. В докладе Кабинета императрице от 22 марта 1738 года сообщалось, что он учредил семинарию своим иждивением и завещал имущество семинаристам, но завещание не было оформлено, имущество распродали [цит. по: 2, с. 4 (XXXIV)]. Тот факт, что школа не пережила своего создателя, говорит не о случайности или

неэффективности системы, а о том, что петровская образовательная реформа не была завершена институционально. Многие начинания Петра держались на личной энергии реформаторов – и школа на Карповке была именно таким начинанием. Как только исчезла фигура, соединявшая теорию, институт и методику, система распалась. Это подтверждает, что педагогическая система архиепископа Феофана была неотделима от реформаторского импульса, а не существовала сама по себе.

Три выделенных уровня – теоретико-методологический, институциональный и методический – не существуют изолированно. Их единство и есть то, что превращает отдельные идеи и факты в педагогическую систему. Теоретическое положение «Духовного регламента» о том, что «без света учения нельзя быть доброму поведению», нашло прямое воплощение в школе на Карповке как конкретном учебном заведении. В свою очередь, методические находки (взаимообучение, музыка, театр) рождались из повседневной практики этой школы и затем закреплялись в учебных пособиях и рекомендациях. Именно эта двусторонняя связь – от теории к практике и от практики к уточнению теории – и составляет систему.

Важно, что каждый из этих уровней был прямым ответом на конкретные вызовы петровских образовательных реформ. Теория («Духовный регламент») давала законодательное обоснование и методологию. Институт (школа на Карповке) создавал образцовую модель, которую можно было тиражировать. Методика (учебники, принцип мотивации, воспитательные практики) решала проблему нехватки понятных и доступных средств обучения. Без реформаторского контекста каждый из этих элементов мог бы существовать отдельно, но именно государственная воля Петра I и личная позиция архиепископа Феофана как одного из «птенцов гнезда Петрова» соединили их в систему.

Значение наследия архиепископа Феофана выходит за пределы его эпохи. В более широком контексте его педагогическая деятельность была частью процесса создания системы образования в России первой трети XVIII века. Школы в Малороссии часто открывались выходцами из Малороссии, которые учреждали латинские школы по киевскому образцу [18]. Петровская реформа духовной школы означала, по сути, перенос киевских традиций на север, и архиепископ Феофан был ключевой фигурой этого процесса [8; 9; 10].

В «Духовном регламенте» он дал методические рекомендации по организации занятий и досу-

га [1]. Мыслитель возражал против поспешности при учреждении Академии наук, предлагая открыть подготовительное учебное заведение «Петер-гартен», но позже участвовал в наборе учеников в Академическую гимназию [1]. При Александро-Невском монастыре в Петербурге он основал типографию (1720), где печаталась учебная литература [1]. Содействовал распространению школьного театра [14].

Опыт создания авторской школы представляет интерес для современной педагогики как пример успешного проекта, соединившего европейские влияния с отечественными традициями и одновременно отвечавшего на государственный заказ. Полемика

вокруг его идей высвечивает альтернативные подходы к образованию в русской мысли XVIII века [7].

Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ педагогических систем архиепископа Феофана (Прокоповича) и его современников – митрополита Стефана (Яворского), архиепископа Феофилакта (Лопатинского), а также на изучение рецепции его идей в последующей традиции духовного образования. Особый интерес представляет вопрос о том, почему системный подход, предложенный архиепископом Феофаном, не был закреплен институционально после его смерти – и что это говорит о природе петровских реформ в целом.

Список источников

1. Феофан (Прокопович) // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. Т. 2. С. 503.
2. Чистович И. А. Феофан (Прокопович) и его время. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1868. 752 с.
3. Корзо М. А. Катехетические сочинения Феофана (Прокоповича) // Славянский альманах, 2013. М.: Индрик, 2014. С. 263–280.
4. Корзо М. А. «Православное исповедание веры» Петра Могилы: к вопросу о западном влиянии на киевское богословие XVII в. // Сравнительная история: методы, задачи, перспективы. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 33–56.
5. Рогожин А. А. Отец-правитель и патриархальная власть в сочинениях Феофана Прокоповича // Шаги = Steps. 2025. Т. 11, № 4. С. 1–18.
6. Скрыбина Т. О., Набойщиков Я. А. Педагогическое наследие Феофана Прокоповича // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 88-1. С. 276–279.
7. Балыхина Т. М., Румянцев Н. М. Просветительская педагогика и образовательно-воспитательные проблемы русского Просвещения в XVIII веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2007. № 2. С. 7–14.
8. Щербаков Д. А. Вклад епископа Псковского Феофана (Прокоповича) в становление и развитие духовного образования в России // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. № 4 (29). С. 36–48.
9. Щербаков Д. А. Просветитель народа и наставник юношества архиепископ Новгородский Феофан (Прокопович) // Духовное наставничество как основа и идеал истинного учительства: история и современность: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции в рамках XVI Евразийских Богородице-Рождественских образовательных чтений, Оренбург, 2 ноября 2023 года. Оренбург: Оренбургская православная духовная семинария, 2023. С. 222–232.
10. Сурин К. К. Влияние архиепископа Феофана Прокоповича на развитие духовного образования в России XVIII века // Труды по русской патрологии. 2024. № 4 (24). С. 96–107.
11. Иванов Д. В. Проблема способностей в работах российских просветителей первой половины XVIII в. Феофан Прокопович (системный анализ) // Системная психология и социология. 2023. № 1 (45). С. 100–110. DOI 10.25688/2223-6872.2023.45.1.09.
12. Ivanov A. V. A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia, 1700–1825. Madison: University of Wisconsin Press, 2020. 353 p.
13. Bain R. N. Prokopovich, Theofan. In Chisholm, Hugh (ed.). Encyclopædia Britannica. Vol. 22 (11th ed.). Cambridge University Press, 1911. P. 434.
14. Феофан (Прокопович) (Элеазар) // Педагогический терминологический словарь / сост. Б. М. Бим-Бад. СПб., 2002. С. 416.
15. Феофан (Прокопович), архиеп. Духовный регламент. СПб., 1720. 45 л.
16. Феофан (Прокопович), архиеп. Первое учение отроком. СПб., 1720. 88 л.
17. Феофан (Прокопович) // Сводный электронный каталог библиотек Беларуси. URL: http://unicat.nlb.by/auth/pls/dict.prn_ref?tu=e&ttq=v0&name_view=va_all&a001=BY-CNB-ar2763919&strq=l_siz=20 (дата обращения: 17.03.2026).
18. Духовное образование по форме — двоеверие по сути // Православное Поволжье. URL: <https://www.eparhia-saratov.ru/Content/Books/96/26.html> (дата обращения: 17.03.2026).

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; одобрена после рецензирования 21.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 19.03.2026; approved after reviewing 21.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.